ВЛАСТЬ И СОЦИУМ

«КРАСНЫЕ ЛИНИИ» ИДЕОЛОГИИ И ИДЕОЛОГИЯ «КРАСНЫХ ЛИНИЙ» (СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ В ПОИСКАХ КОНСЕРВАТИЗМА)

Лоскутов В.А.

доктор философских наук, профессор, директор Уральского института-филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, rector@uapa.ru

УДК 35
ББК 66.033.141

Цель. Анализ условий и логики формирования «идеологии развития». Определение этапов развития и форм взаимодействия современной российской власти и идеологического строительства.

Методы. Проанализирована историческая динамика самоопределения современной российской власти, что позволило зафиксировать основные законы и системообразующие формы идеологического обеспечения ее развития.

Результаты и практическая значимость. Выявлены формы самоопределения современной российской власти, инициирующие возрождение идеологии. Определены условия, цели и формы перехода от возрождения идеологии к идеологическому строительству. Установлены «красные линии» данного процесса: традиционализм, фундаментализм, консерватизм.

Научная новизна. Идеологемы «суверенная демократия», «духовные скрепы», «идеология развития» представлены как исторические формы рефлексии современной российской власти. Определена роль и место национальной идеи в идеологическом строительстве. Сформулированы основные угрозы, с которыми может столкнуться в процессе своего развития «идеология развития».

Ключевые слова: современная российская власть, идеология, консерватизм, идеологическое строительство, «идеология развития», национальная идея, «идеологические аппараты государства».

Loskutov V.A.

«RED LINES» OF IDEOLOGY AND THE IDEOLOGY OF «RED LINES» (MODERN RUSSIAN POWER IN SEARCH OF CONSERVATISM)

Purpose. Analysis of the conditions and the logic of “ideology”. The definition of stages of development and modern forms of interaction between the Russian Government and ideological construction.

Methods. Analyzed the historical evolution of the self-determination of the modern Russian authorities, which allowed to fix the basic laws and the form of the ideological backbone of its development.

Results and practical value. Identify forms of self-determination of the modern Russian authorities who initiate the revival of ideology. The conditions, objectives and forms the transition from the Renaissance ideology to ideological construction. Set “red lines” of this process: traditionalism and fundamentalism, conservatism.

The scientific novelty. The ideologeme «sovereign democracy», «spiritual clamps, the ideology of development “presented as historical forms of reflection of the modern Russian authorities. The role and place of national idea in the ideological construction. The main threat that can confront the ideology of “development”.

Key words: contemporary Russian power, the ideology of conservatism, the ideological construct, “the ideology of development”, national idea, “the ideological apparatus of the State”.

© Лоскутов В.А., 2014

По мнению руководства страны, одной из основных задач новой стратегии развития России, гарантирующей сохранение исторической, общественной гражданской идентичности российского социума, будет создание новой национальной идеологии – «идеологии развития» [5, с.10]. В своей статье мы выделим и проанализируем те, с нашей точки зрения, необходимые и достаточные условия, предпосылки и причины, которые формируют историческое пространство, в рамках которого в специфической форме зарождается и осуществляется реальная возможность разрешения этой стратегически важной для страны задачи. Определим исторические этапы самоопределения постсоветской идеологии и основополагающие векторы развития еще только становящейся «идеологии развития». В том числе зафиксируем возможные точки ее роста, стратегии и механизмы, цели и смыслы предстоящего этапа идеологического строительства обновленной национальной идентичности.

В своем небольшом эссе «Мысли в пути» Джордж Оруэлл писал: «читая блистательную и гнетущую книгу Малькольма Маггериджа «Тридцатые», я вспомнил, как однажды жестоко обошелся с осой. Она ела джем с блюдечка, а я ножом разрубил ее пополам. Не обратив на это внимания, она продолжала пировать, и сладкая струйка сочилась из ее рассеченного брюшка. Но вот она собралась взлететь, и только тут ей стал понятен весь ужас ее положения. То же самое происходит с современным человеком. Ему отсекли душу, а он долго — пожалуй, лет двадцать — этого просто не замечал» [4, с.232]. Нечто подобное произошло с бессмертной душой советского человека — двадцать лет тому назад ему ее отсекли, а он так и жил, не замечая своего бездушия. И только сейчас, когда, как та оса, он собрался перелететь на новое блюдечко с джемом, оказалось, что его историческая и духовная жизнь уже и не историческая, и не духовная. Так, или примерно так, представляют себе сытую, но рассеченную духовную жизнь постсоветского человека те, кто не мыслит ее без государственно-идеологического «джема». Считается, что в девяностые годы, когда государственная идеология покинула нас, в умах и душах людей случился хаос. Когда государство и общество самоустранились из сферы духовного возрождения постсоветского человека, пришедший им на смену рынок не смог оказать его рассеченной душе помощь и содействие в ее восстановлении и обновлении [5, с.9]. Если бы рынок мог услышать эту претензию, он бы очень удивился, ибо никто и никогда перед ним такие сложные и эпохальные задачи не ставил и поставить не мог. Но, наверное, если бы кто-то захотел это сделать, рынок, вероятнее всего, не стал бы отказываться от посильного участия в историческом повороте духовной жизни постсоветского человека. Что и произошло на самом деле, когда в темных переулках приватизации и столь же мрачных закоулках национально-духовного возрождения рынок и идеология все-таки встретились и заварили такую кашу, да еще и, как это водится на Руси, - с топором, от которой в ослабших от потери государственных и национальных ориентиров мозгах отсеченного от идеологического «джема» человека случился очередной хаос.

Процесс саморазрушения советской идеологии, возврата к которой нет и, по мнению В. В.Путина, уже быть не может [5, с.8] происходил в девяностые годы в двух доминирующих формах: как разгосударствление господствующей идеологии и как идеологизация новой экономической и политической власти. Сама по себе, в своем привычном виде и со всеми ритуальными отягощениями государственная идеология как бы исчезла из бурно развивающегося исторического пространства обновленной России. На самом деле это, конечно же, не так. Она осталась и достаточно активно включилась в строительство нового мира, решая задачу идеологического обеспечения власти и идеологических исканий постсоветского общества и человека. Советская идеология перестала быть духовным стержнем советского народовластия. Эта историческая утрата произошла не одномоментно и сопровождалась бурными, в том числе и идеологическими, схватками между сторонниками и противниками советского государства. Столь же напряженно и ответственно новая олигархическая экономика и политика пытались из обломков идеологического самовластья создать некое подобие идеологического обоснования уже произошедших под их непосредственным руководством исторических перемен. Невольно оказавшись заложницей всех этих изменений, «старая-новая» идеология, как это она уже не раз делала ранее, пошла на службу к победителям. Олигархическая власть, использовав ее в своих, исключительно демократических целях, задвинула по ненадобности новообращенные «пиар-идеологемы» на самые что ни на есть задворки общественной жизни. Отсюда у многих возникла иллюзия деидеологизации постсоветского общества. В каком-то смысле можно посочувствовать идеологии, оказавшейся между молотом всепожирающей олигархической экономики и наковальней всепобеждающей олигархической власти, да еще и в странных для себя одеждах целевых и ценностных ориентаций «молчаливого» демократического большинства. В определенный момент, исполнив свою историческую роль «Чего изволите?», она в муках сомнения действительно покинула авансцену истории и отошла в тень, за кулисы общественной жизни, превратившись во множество конкурирующих между собой псевдополитических программ.

Ее новая история началась в двухтысячных годах. Мы называем этот этап, в отличие от предыдущего, на котором своеобразной доминантой развития

идеологии была скрытая и открытая идеологическая борьба, а также поиск таких форм ее выражения, которые бы соответствовали обновленному содержанию властного бытия, - этапом возрождения идеологии. И начался он отнюдь не тогда, когда идея о необходимости создания «идеологии развития» была провозглашена в 2013 году Президентом РФ В. В. Путиным, а значительно раньше. Прежде чем мы перейдем к его анализу, зафиксируем основные этапы становления современной российской власти, ибо возрождение идеологии - это всего лишь один из аспектов развития данного процесса.

Новая номенклатура, или Как управлять несвободой

Говоря о трех этапах исторического самоопределения современной российской власти [3], о трех основных задачах, которые она должна была решить в этом процессе, мы акцентируем внимание на некоторых безусловных доминантах властного развития в эти годы. Обращаем внимание в первую очередь на те процедуры и ключевые механизмы ее самообоснования, которые, с одной стороны, разделяют данный процесс на отдельные относительно самостоятельные этапы, с другой стороны, представляют его в виде единой и объективной логики ее исторического становления.

На первом этапе этого процесса решалась задача самоопределения новой формы развития олигархической власти — возвращения ей не формальной, но реальной легитимности. Для того чтобы ее решить, следовало вернуть власть в конституционное русло развития, усмирить безумных «демонов» революции и контрреволюции, обеспечить законность и стабильность деятельности основных властных институтов. В этом процессе были задействованы такие средства и способы властного долженствования, как государственная политика активного противостояния угрозе «цветных революций», «вертикализация» власти и администрирование демократических выборов, удаление наиболее одиозных олигархов из системы властных отношений.

На следующем этапе развития новой российской власти ставилась и решалась задача установления власти над властью. Необходимые, хотя и не достаточные условия для ее решения были созданы на предыдущем этапе ее самоопределения. После того, как с помощью различного рода доступных ей средств власть стала стабильной и вернула себе утерянную было в девяностые годы легитимность, на первый план властного строительства вышла проблема обеспечения ее преемственности — проблема расширенного воспроизводства. Основным способом ее разрешения стал процесс конструирования властью новой политической реальности. Первоначально эта реальность была достаточно сложно структурирована. Но в результате целенаправленной работы, носившей в основном административный характер, ситуация была в значительной степени упрощена и данный процесс был жестко и однозначно ориентирован на решение только одной проблемы — обеспечения преемственности существующей власти. В процессе конструирования политической реальности во весь рост встала проблема эффективного управления власти властью. Не без серьезных потерь, но эту задачу, с помощью механизмов ручного управления, в целом удалось решить. В результате установления власти над властью олигархическая пирамида властных отношений перевернулась. И дело не только в том, что в результате такого рода оборачивания основные субъекты экономической власти встроились в вертикаль власти государственной, но и в том, что с помощью созданных в это время государственных клонов олигархов удалось устроить единое властное и политическое пространство, в котором олигархи и их государственные клоны стали вместе работать над решением проблем обеспечения преемственности не только политического курса, но и тех объективных оснований, которые гарантировали стабильность существующих властных порядков. А самое главное, хотя и в ручном режиме, - обеспечивали целостность и непрерывность функционирования государственной формы осуществления этих порядков. На следующем, теперь уже третьем, этапе становления современной российской власти среди множества процедур ее самообоснования выделилась проблема установления власти власти над властью и обществом. В результате тех изменений, которые произошли с властью на двух предыдущих этапах ее самоопределения, в отношениях общества с властью возник серьезный дисбаланс. С одной стороны, он проявился в том, что в целевых, ценностных, нормативных ориентирах их совместного бытия и развития возникли явные противоречия. С другой стороны, произошла достаточно серьезная дестабилизация и дисгармонизация основных траекторий их движения. В результате проблемы легитимности и преемственности власти как бы отошли на второй план. На передовые позиции вышла проблема направленности (целостности) ее развития. Именно она оказалась в центре процесса установления власти власти над таким странным и разбалансированным объектом, который представляла собой связь власти и общества. Власть, естественно, попыталась решить эту относительно новую для себя проблему с помощью доступных и уже апробированных средств. Далеко не всегда такой подход был оправданным и эффективным. В том числе и потому, что на предыдущих этапах современной российской власти большинство из этих средств использовались преимущественно для целей манипуляции действиями различных, вовлеченных в эти процессы субъектов, институтов и властных

структур. Нужны были более адаптивные, заточенные на решение конкретных проблем взаимодействия власти и общества, социально ориентированные способы и средства властвования. По ходу дела они, конечно же, появились. Произошло существенное переформатирование политической реальности, в том числе и изменение системы отношений государственной власти и различных политических институтов. Была развернута широкомасштабная административная реформа и проведены соответствующие преобразования государственной службы. Существенным образом изменилась повестка дня в системе федеративных отношений. Была организована массированная деятельность по реализации отдельных социально значимых государственных политик («национальных проектов»). Начали осуществлять достаточно сложные знаковые международные проекты, имеющие серьезное общественное звучание, как в стране, так и за ее пределами. Произошла серьезная перенастройка ключевых процедур и механизмов организации выборного процесса. Во всех этих изменениях угадывались два основных вектора движения власти, поставившей перед собой цель властвовать над единством власти и общества. С одной стороны, постоянный поиск путей и перебор средств, с помощью которых можно было бы эффективно превратить отношение власти и общества в объект системного и систематического управления со стороны власти. С другой стороны, власть, желающая властвовать не только над собственной «вертикалью» и созданными ей государственными и политическими симулякрами, предпринимающая массу усилий для решения этой задачи, постепенно, но неуклонно, по крупицам собирала и систематизировала соответствующий опыт практического разрешения этой проблемы. На локальных участках общественной жизни не без труда, иногда бессмысленно и бесполезно, часто с определенным, достаточно весомым эффектом и результативно превращала его в то, что можно было бы назвать развернутым потенциалом не только властного, но и социального развития власти. Не без ошибок и промахов она училась видеть, понимать и практически осваивать свою собственную историю и ее практический опыт.

Постоянный поиск, в который в начале двухтысячных годов погрузилась ищущая стабильности власть, инициировал сложные и противоречивые процессы самоопределения нового, более эффективного в государственном, политическом, экономическом, социальном и идеологическом смысле субъекта властвования. Особенно все эти противоречивые процессы обострились в последние годы, когда возникло очевидное противоречие между властью и обществом.

Современная российская власть решает проблему властного синтеза власти и общества особым образом. Она является постоянно действующим источником превращения властной реальности в административную. Речь в данном случае идет не о формальных трансформациях одного в другое, а о формировании особой, безусловно объективной логики изменения той власти, которая стремится установить свою власть над властью и обществом. Появление административной реальности свидетельствует о существенной перенастройке олигархической системы властвования. Дело не в том, что одни олигархи в системе властных отношений сменили других. И не в том, что все они, так или иначе, оказались встроены во властную вертикаль и превратились в обыкновенных «назначенцев». Самое главное, что произошло с властной реальностью в процессе административного самообоснования — это превращение ее в замкнутую, самодостаточную систему властвования, которая не просто поглощает власть и общество, но делает их важнейшими определениями своего самостоятельного бытия. Как раз в этом и заключается высший смысл олигархической системы властвования. С формальной точки зрения, административная реальность представляет собой совокупность определенных организаций, должностей и системы их административной зависимости. Их деятельность регулируется такими формами движения отношений административной зависимости, как «приказ» и «назначение». Она представляет собой развернутую, определенным образом структурированную, иерархически выстроенную сеть административных отношений, в которой организации и должности с помощью приказов и назначений не просто перемещаются, но производят определенные действия по принципу «стимул-реакция». В роли стимула выступает приказ, а в качестве реакции — исполнение приказа. Эффективность деятельности различных субъектов административной реальности измеряется тем, насколько качественно и своевременно исполнен приказ и насколько успешно и беспрепятственно он движется по многочисленным формализованным и неформальным сетям различных организаций, и насколько эффективно воспроизводится в системе разных административных отношений между должностями. Казалось бы, административная реальность полностью замыкает властную реальность на саму себя, погружая в хитросплетения ее самодостаточного бытия все многообразие властных и социальных отношений между людьми. Однако это не совсем так, ибо, в конечном итоге, смысл ее исторического существования заключается не в том, чтобы превратить все, что попадает в ее сети, в функцию самодвижущихся приказов, установлений и циркуляров, а в том, чтобы создать необходимые условия для управления несвободой. Не она превращает свободу в несвободу, но именно административная реальность из самой себя порождает механизмы и процедуры управления ей.

Сама по себе административная реальность не предполагает выделения в системе собственных из-

менений, какого-либо направления движения, кроме того, что она изначально направлена на саму себя. Но будучи всего лишь конкретно-исторической формой развития властной реальности, в которой на определенном этапе самоопределения проблема направленности с необходимостью становится доминантой ее развития, она соответствующим образом реагирует на эти изменения. В результате в недрах административной реальности из различных форм и способов самодвижения олигархической власти рождается новый субъект властвования — новая номенклатура.

В своих прежних работах [2] мы достаточно подробно анализировали основные закономерности и механизмы исторического развития советской номенклатуры. Те ключевые параметры ее функционирования, которые, в конечном итоге, обеспечивали ей более чем достойное место в системе саморазвития советского тоталитаризма. Нет особой нужды повторяться. Мы обратим внимание читателя лишь на те универсальные формы проявления родовых качеств «номенклатурного народовластия», которые в новых исторических условиях обеспечили сущностное обновление и расширенное воспроизводство новой номенклатуры.

Номенклатура — это особый исторический способ самоорганизации тоталитарной власти. И не просто власти, а ее свободы и самодеятельности. Она становится субъектом общественного и властного развития по мере того, как присваивает, осваивает и конструирует свободу в виде способа властного бытия. Которая, несмотря на серьезные противодействия, делает саму себя предельным основанием общественного и властного развития. Не всякая свободная власть осуществляется в форме номенклатурного долженствования и принуждения. Только та, которая полагает абсолютное тождество свободы и власти посредством их огосударствления. Номенклатура живет в «порах» государства. Искомое тождество она достигает путем освобождения власти от свободы и создания из свободной от свободы власти такого субъекта, который оказывается способен в расширенных масштабах воспроизводить собственную несвободу и производить из нее якобы свободу общества. Вне освобожденной от свободы государственной власти номенклатура не существует, а в ней она является субъектом, полагающим свободу и самодеятельность власти как основной механизм производства из самой себя всякой иной исторической реальности. Этот механизм отчуждает власть от общества и принуждает их к «сожительству» по законам несвободной власти — власти свободной от свободы. Номенклатура — это освобожденный посредством власти (огосударствления) от свободы и самодеятельности субъект властного развития исторической реальности. Новая номенклатура является продуктом и субъектом развития обновленной формы самоопределения современной российской олигархической власти.

Кому-то может показаться парадоксальным тот факт, что новая номенклатура пытается стать субъектом «идеологии развития». Той идеологии, которая реально может стать способом активизации самодеятельности всех иных субъектов общественной жизни страны. Которая потенциально способна стать источником значительного повышения степеней свободы их практической и идеологической деятельности. Ничего в этом необычного нет. Номенклатура всегда так действовала, стремясь постепенно, но неуклонно к монополизации этого процесса и превращению себя в если не единственного, то господствующего субъекта. Номенклатура может существовать и развиваться только путем превращения свободы власти в несвободу. Это основополагающий принцип ее существования. И если общество безмолвствует и проблема национальной идентичности его не волнует, то следует сформировать у него эту потребность. Если не получается сформулировать практическое, то хотя бы сконструировать идеологическое решение этой проблемы, а значит - создать условия для возможного освобождения власти и общества от их свободы. Номенклатуре нужна свобода, ибо только за счет ее потенциала и энергии она может быть универсальной исторической силой отчуждения власти от общества и от самой себя. Вместе с тем, не следует думать, что в этом процессе все предопределено. Инициировать его и реально управлять развитием свободы - это все-таки разные процедуры. В конечном итоге все будет зависеть от того, как, каким образом общество сумеет присвоить свою свободу и свободу власти. Научится ли оно эффективно управлять их единством и что оно сможет в действительности противопоставить системе управления несвободой. Сумеет ли оно противопоставить процессу освобождения власти от свободы свою самодеятельность, которая изменит природу данного процесса и освободит власть от того, что делает ее механизмом социального отчуждения.

Еще одно очень важное замечание, которое касается определения специфических свойств и качеств новой номенклатуры. Ее рождение было бы невозможно без глубокой и всесторонней рефлексии в тот путь, который уже прошла современная российская власть, в ту властную реальность, которую она уже сформировала в процессе демократического транзита советского тоталитаризма. Наиболее адекватной формой осуществления этой рефлексии была и остается идеология. О способах и формах идеологического самообоснования исторической миссии новой номенклатуры мы поговорим далее более подробно. А сейчас лишь заметим, что для нового субъекта власти нужна была новая, не придуманная в тиши кабинетов, а практически реализованная идеология активного

действия, которая бы позволила ему не просто заняться самоанализом своего высшего предназначения и пройденного пути, а четко и последовательно ставить реальные практические цели и определять наиболее эффективные пути их достижения.

Появление новой номенклатуры является свидетельством того, что определенный этап развития современной российской власти и идеологии завершен, и она оказывается субъектом развития принципиально нового этапа их последующего, еще более тесного и углубленного взаимодействия на пути качественного обновления исторической природы постсоветского общества. О том, что и кто будет строить на обломках советской идеологии в ближайшие годы, мы поговорим в дальнейшем более подробно, но только после того, как выделим, более содержательно и глубоко проанализируем скрытую от непосвященного взгляда, объективную логику и соответствующие этапы исторического возрождения идеологии. Итак, вернемся вновь в начало двухтысячных годов. Как известно, во всяком случае, так говорят, в девяностые годы государство ушло из сферы идеологии, а рынок так и не помог выработке новой российской идентичности. И что же случилось далее?

Формы и способы возрождения идеологии

Идеологическая «буря и натиск» девяностых годов оказали существенное влияние на формирование экономического и политического ландшафта России начала двухтысячных годов, прямое и непосредственное воздействие, в том числе, на существенное изменение исторических форм развития постсоветского олигархического капитализма. Его последующие практические шаги по стабилизации общества были уже не столь агрессивны и авантюрны, как во времена лихих девяностых. Стали более осторожными, выверенными, в том числе и идеологически обоснованными. Так и не создав в результате разгосударствления государственно-партийной идеологии советского тоталитаризма нечто новое, не сумев в должной степени аккумулировать революционный потенциал демократического транзита и различные интересы его непосредственных участников, идеология, несмотря на все апокалипсические пророчества и псевдонаучные предсказания заинтересованных участников этого процесса не только ни сошла со сцены, но нашла для себя достаточно комфортную историческую нишу, в которой начала незаметно для посторонних взглядов ковать оружие будущих побед. В начале двухтысячных годов она с головой погрузилась в практику строительства новой исторической реальности — укрепление основ и расширение потенциала развития новообращенного олигархического капитализма. Что и явилось, в конечном итоге, источником ее последующего возрождения.

В процессе самоопределения современной российской власти, три основных этапа и формы осуществления которого мы уже выделили и кратко проанализировали, произошло то, что и должно было произойти — на авансцене вновь, достаточно шумно и с определенными, не всегда в достаточной степени обоснованными претензиями, появилась идеология. Открывая и закрывая универсальные клапаны, которые регулируют действие основных механизмов развития современной российской власти, она в специфической форме представляла решение тех проблем, которые лежали в основании данного процесса. Будучи рефлексивной формой его осуществления, она на каждом этапе подводила своеобразный итог, фиксировала определенный рубеж самоопределения власти. Возникающие в этом процессе идеологические формы самоопределения власти были не просто способом ее рефлексии в собственную деятельность, в те проблемы и противоречия, которые и в настоящее время остаются источником развития властного бытия, но и особой исторической формой возрождения идеологии как таковой.

Решая на первом этапе своего становления проблему восстановления власти как власти путем обеспечения ее легитимности и дееспособности на всей территории страны, современная российская власть подвела своеобразный идеологический итог этому процессу с помощью идеи «суверенной демократии». Идея В.Третьякова, ставшая на этапе стабилизации власти в умелых руках В.Ю.Суркова одной из основополагающих идеологем, использовалась в основном как средство ручного управления и строительства властной вертикали, приведения к единому знаменателю множества разноуровневых и разнокачественных процессов властного самоопределения. На следующем этапе развития современной российской власти, когда в центре внимания оказалась проблема установления власти над властью и задача ее расширенного воспроизводства, создания единого и гомогенного властного пространства властвования, аналогичную роль должна была исполнить высказанная В. В. Путиным идея о «духовных скрепах». У этой идеи как бы две основные ипостаси, которые фактически в процессе ее превращения в идеологему растворились друг в друге. Одним ликом она обращена на власть и, в конечном итоге, отражает потребность в ее устойчивом и положительном, расширенном воспроизводстве. С другой стороны, она является «благой вестью» для общества, ибо полагает для него приемлемые с точки зрения власти условия участия в этом процессе. Исходная раздвоенность идеологемы «духовные скрепы», на что обратили внимание многие, не позволила эффективно ее использовать в качестве средства конструирования и обновления системы координат самоопределения власти. Она оказалась настолько абстрактна и малопро-

дуктивна, что ее использование в качестве меры тождества властных и социальных отношений процесса воспроизводства целостной властной реальности было существенно ограничено. Общество не торопилось превращаться в составную часть той властной реальности, над которой власть пыталась с помощью декларированных ей «духовных скреп» установить свою власть. И тут случилось нечто, что можно было бы в принципе спрогнозировать, но мало кто этого ожидал. Постсоветское общество уже успело забыть, как из одной, пусть даже в чем-то ущербной идеологемы можно создать целую идеологическую программу, а затем подогнать под нее новую властную и социальную реальность. Не завершенная и внутренне противоречивая идеологема «духовных скреп» заставила нас посмотреть на логику развития власти и связанной с ней идеологии под иным углом зрения. И мы, водрузив на себя эти идеологические очки, неожиданно обнаружили во властной реальности совершенно новую проблему, что позволило принципиально по-иному сформулировать исходную задачу установления власти над властью, переформулировать проблему обеспечения преемственности в развитии власти — поставить вопрос о направленности ее развития и об установлении власти власти над властью и обществом.

Власть инициировала этот в чем-то необычный и достаточно быстротечный процесс оборачивания на саму себя и соответствующие идеологемы, с помощью которых она пыталась воспроизводиться, не только в результате тех неординарных событий, которые случились во власти и обществе (мы имеем в виду, в первую очередь, то, что произошло в России после выборов Президента России в 2012 году), но и по причине того, что предпринятая ей попытка практической реализации идеологемы «духовных скреп» в практике властвования по той же схеме, по которой использовалась идеологема «суверенной демократии», не удалась. Оказалось, что снять, преодолеть ее внутреннюю противоречивость невозможно не изменив кардинально оснований, которые продуцируют постоянное воспроизводство данного противоречия. Для этого следовало переосмыслить и практически преобразовать ту исходную проблему самоопределения власти, которая лежала в основе ее развития. С целью решения этой проблемы, правда уже в несколько измененном виде — как проблемы установления власти власти над властью и обществом, была осуществлена рефлексия, но, как это ни покажется на первый взгляд странным, не только во власть, что естественно и закономерно, но и в ее достойного и репрезентативного «двойника» - в идеологию. Что само по себе, имея в виду конкретную логику развития современной российской власти и соответствующие закономерности возрождения идеологии, уже выглядит достаточно необычно. Власть и ее, казалось бы, неразрешимые проблемы создали реальную возможность, а идеология инициировала появление необходимости такого рода оборачивания в самих себя. В результате изменения направленности развития власти и внутренней трансформации идеологемы «духовных скреп» появилась новая идея - идея создания «идеологии развития».

Пока это только идея. Ее превращение в идеологему возможно, с одной стороны, путем своеобразного подведения, в том числе и идеологических итогов развития современной российской власти — всех трех этапов ее самоопределения, с другой стороны, к чему нас призывает автор этой идеи, посредством ее превращения в постоянно действующий источник становления и развития новой идеологической программы для постсоветской власти и общества. С ее появлением, как нам это представляется, процесс, который мы обозначили выше как возрождение идеологии, завершается - и начинается новый этап ее развития, на котором она должна будет стать из обычной идеологемы полноценной идеологией власти, стремящейся установить свою власть над властью и обществом.

Возрождение идеологии — это исторически конкретный этап ее превращения в важнейшую силу исторического самоопределения олигархической формы развития современного российского общества. С допустимой в таких случаях долей условности в качестве временных границ данного этапа можно определить - начало двухтысячных годов и время сегодняшнее. Существует целый ряд системообразующих признаков этого процесса. Мы выделим и кратко охарактеризуем всего лишь четыре таких признака. Каждый из них в той или иной степени обнаруживает себя на различных этапах возрождения идеологии, в виде достаточно пестрого по составу, но все-таки целостного и, что очень важно, объективного образа ее исторического возрождения. Одним из важнейших признаков возрождения идеологии является ее активное участие в строительстве нового дома для прошедшей «ужасы» и стрессы демократического транзита государственной олигархии. Мы не станет сейчас обсуждать вопрос о том, каким образом она это делала. Просто зафиксируем сам факт такого участия и подчеркнем одну особенность его проявления - он фиксирует необходимое, но недостаточное условие качественного обновления олигархической формы развития современного российского общества и власти. Относительно самодостаточным этот процесс становится лишь тогда, когда он осуществляется посредством сращивания возрождающейся идеологии и «перерождающейся» власти. И это является второй, очень важной особенностью процесса возрождения идеологии. Власть и идеология всегда, при любых исторических формациях оказывались между собой тесно связанными. Очень часто идеология выступала как практическая форма саморефлексии развивающейся власти, способ ее практи-

ческого и духовного самоопределения. Казалось бы, ничего необычного и сверхъестественного в том, что в эти годы именно так и произошло, нет. Но есть одна особенность проявления их единства, которую мы не можем не отметить. Идеология встала на путь возрождения исключительно потому, что для нее открылись принципиально новые возможности самоопределения, связанные с ее участием в процессе разрешения соответствующих противоречий развития современной российской власти. Речь, в данном случае, не идет о каком-либо развернутом идеологическом обеспечении данного процесса. Это было бы слишком просто и, как показывает практика использования в этих целях, например, идеологемы «суверенной демократии», малоэффективно. Новой власти нужно было не идеологическое обоснование ее побед и защита ее будто бы универсальных интересов. Ей в тех конкретных исторических условиях необходима была идеология в качестве реальной практической формы, в чем-то очень важном и сущностном моделирующей, представляющей и замещающей действие основных механизмов разрешения противоречий, которые лежали в основании объективной логики развития современной российской власти. И она, как могла, откликнулась на этот властный призыв — взяла на себя часть ответственности за ее самоопределение и самообоснование.

Еще одна, уже третья по счету, особенность процесса возрождения идеологии, которую мы в последующем попытаемся проанализировать более подробно, заключалась в том, что вслед за властным самоопределением он был достаточно жестко ориентирован на выделение, закрепление и представление в обновленной властной реальности практических потребностей и интересов той чрезвычайно подвижной неизменности и изменчивой в своей тотальной неподвижности социальной группы, которую можно было бы, хотя и с определенной долей условности, назвать «молчаливым большинством». Ее целевые установки и ценностные ориентации, хотя и не напрямую, а опосредованно объективной логикой развития власти и процессом решения ее идеологических проблем, о чем мы уже говорили выше, были и остаются постоянно действующим источником и мерой самоопределения возрождающейся идеологии.

Когда власть решала проблемы собственного самоопределения и легитимности, очень важно было построить «молчаливое большинство» в марширующие колонны выборщиков и с помощью различного рода «административно-демократических» средств отправить их в нужном направлении. Когда перед властью во весь рост встал вопрос о возможностях ее властвования над самой собой, и в центре оказалась проблема вертикализации власти, «молчаливое большинство» было дифференцировано, распределено по различным секторам ее самоопределения. С помощью ручного управления оно принудительно политизировалось, объединялось и рассеивалось среди «наших». В результате формировалась достаточно устойчивая и непрерывная вертикаль политического нигилизма и социального конформизма, что явилось надежным основанием, обеспечивающим непрерывность и стабильность расширенного воспроизводства существующего властного порядка.

На третьем этапе самоопределения современной российской власти, когда она попыталась особым образом связать между собой власть и общество, «молчаливое большинство» превратилось из виртуального авангарда в объект целенаправленных властных и идеологических манипуляций. Так случилось потому, что наконец-то появился, сформировался вменяемый субъект, который оказался способен к существенному обновлению его роли и места в современной истории России. Основной смысл еще только предстоящей деятельности данного новообращенного субъекта заключается в том, чтобы с помощью доступных ему административных и политических средств «разогреть» общественную жизнь до такой степени, чтобы та форма синтеза («сплавления») властных и социальных характеристик «молчаливого большинства», которая была создана на предыдущих этапах самоопределения власти, была адекватно воспринята властью и обществом и использована для их окончательного властного отождествления — для формирования единственно возможной траектории развития их абсолютного тождества.

Четвертая особенность данного процесса — необычный способ и специфическая логика появления рядом с субъектом самоопределения современной российской власти нового субъекта, ответственного за возрождение идеологии и переход на более высокий уровень ее развития. В месте встречи этих двух субъектов пересеклись сразу несколько очень важных и неоднозначных траекторий развития различных объективных властных форм: огосударствление олигархии, мощные, хотя и скрытые процессы институционализации элитогенеза, появление достаточно устойчивых механизмов становления все новых и новых отрядов постсоветской номенклатуры. Мы об этом уже очень кратко говорили выше. Сейчас хотели бы подчеркнуть только то, что новый субъект власти и субъект возрождения идеологии, хотя и являются близнецами-братьями, но могут и в действительности существуют в качестве относительно независимых форм активно-

сти и способов решения тех проблем, которые стоят в настоящее время перед современной российской властью и идеологией. Завершение процесса возрождения идеологии и переход на следующий этап ее развития связаны, в том числе, с появлением особенного вектора деятельности и траектории развития самостоятельного субъекта новой идеологии.

Идеологическое строительство: «красные линии», национальная идея, «идеологические аппараты государства»

Появление на разных этапах самоопределения современной российской власти той или иной идеологемы, превращение ее в практическое руководство властвования всегда было тесно связано с попытками решения конкретных проблем, которые лежали в основании ее развития – проблемами ее легитимности, преемственности (целостности), направленности изменения. Но не только с этим. Дело в том, что, решая в очередной раз во многом традиционные для России проблемы, современная российская власть с необходимостью выходила на некие универсальные исторические рубежи своего развития, которые В. В. Путин образно назвал «красными линиями» [5, с.10]. Эти линии, за которые «нельзя никому заходить» [5, с.10], - суверенитет, самостоятельность, целостность России. Они являются по своей сути такими границами ее существования и развития, которые российская история не без помощи власти установила для себя сама. В условиях глубоких социальных и властных трансформаций вопрос об исторической идентификации этих границ всегда был особо значимым для определения стратегии развития России. То, что в последние годы происходило в процессе самоопределения современной российской власти, является ярким тому подтверждением. Когда на его первом этапе власть пыталась воссоздать себя как власть, она с необходимостью уперлась в одну из «красных линий» - попыталась с помощью идеологемы «суверенной демократии» зафиксировать суверенитет в качестве положительно устойчивой границы своего бытия. Когда на следующем этапе она порывалась окончательно и бесповоротно установить свою власть над властью, в том числе и с помощью идеологемы «духовных скреп», в эпицентре ее созидательной деятельности оказалась проблема преемственности и соответствующих границ ее целостного бытия. Наконец, в процессе решения проблемы установления власти власти над властью и обществом, на первом плане оказался вопрос о границах и возможностях самостоятельного развития современной российской власти и общества. «Оттолкнувшись» от этой границы, власть поставила перед собой и обществом задачу создания «идеологии развития», которая могла бы в будущем стать полноценной идеологией саморазвития российского общества.

История современной российской власти в очередной раз подтвердила тезис о том, что «суверенитет, самостоятельность, целостность России безусловны» [5, с.10], ибо, что бы ни происходило в этой стране и обществе, какие бы глубокие и существенные трансформации в ней ни случались, - все они, так или иначе, упираются в специфические «красные линии» - своеобразные естественные и объективные границы исторического бытия России. Не власть полагает эти границы, но сама история, в которую власть вплетена тысячью видимых и невидимых нитей. При определенных условиях она эти «красные линии» обнаруживает, актуализирует, конституирует в виде границ и принимает посильное участие в обустройстве пограничного бытия современной исторической жизни России.

Идеологическая рефлексия современной российской власти в саму себя и, естественно, в те «красные линии», которые ограничивают ее историческое существование, - процесс достаточно сложный и неоднозначный. Мы считаем, что в будущем он будет протекать в форме идеологического строительства. Целью которого станет присвоение «красных линий» исторической жизни России и превращение их из границ в пределы (механизмы) ее практического, властного, идеологического развития — в постоянно действующие источники саморазвития власти и идеологии. В результате мы должны будем получить идеологию, способную восстанавливать и обеспечивать развитие конкретного тождества власти и общества, а также способную гарантировать решение задачи установления власти власти над властью и обществом. Вслед за идеологическим строительством будут и иные этапы ее развития, появятся другие формы ее самоопределения. Но, и это важно понять уже сейчас, все, что будет происходить с ней, властью и обществом в дальнейшем, берет свое начало именно в этом процессе.

Важнейшим продуктом рефлексии современной российской власти в свою недолгую историю был процесс становления на плечах «молчаливого большинства» в широком контексте самоопределения обновленной административной реальности нового субъекта властвования, основные исторические претензии которого были связаны с решением задачи установления власти власти над властью и обществом. Одновременно с этим, что естественно и за-

кономерно, вновь встал вопрос об исторических и властных границах его властвования. О тех границах, которые всегда на замке и которые при определенных условиях могли бы способствовать разрешению стоящих перед данным субъектом задач. Помогли бы ему превратить идеи и идеологемы, с помощью которых он пытался связать между собой прошлое, настоящее и будущее современной России, в средства развернутого идеологического самообоснования ее исторической идентичности.

В результате исторического самоопределения современной российской власти и возрождения идеологии «красные линии» исторической жизни России превратились, в том числе, в своеобразные границы ее идеологического самообоснования. Суть и смысл идеологического строительства заключается в том, что в этом процессе границы сначала становятся его «красными линиями», а затем преобразуются во внутренние механизмы (пределы) саморазвития произведенного идеологического продукта. Прежде чем подробно и обстоятельно ответить на вопрос, как и почему идеология оборачивается на саму себя и власть, каким образом она пытается за счет преобразования и качественного обновления «красных линий» истории создать постоянно действующий механизм идеологической идентификации, попытаемся определить тот системообразующий принцип, который лежит в основании данного процесса и определяет необходимость осуществления суверенитета, самостоятельности и целостности исторической жизни России не только в исторической реальности, но и в идеологической сфере. Постараемся выяснить все возможные пути и механизмы влияния возникающих в этом процессе пределов развития идеологии (превращенных «красных линий») на практические действия субъектов, устанавливающих конкретно-исторический смысл и ценность российской идентичности.

Мы не случайно, определяя в качестве произведенного в процессе самоопределения современной российской власти продукта некоторые идеологемы, практически не обращали никакого внимания на то содержание, которое они в себе заключают. В контексте нашего исследования важнее было понять то, на какие вопросы развивающейся власти и общества власть пытается ответить с помощью тех или иных идеологем. В самом общем виде мы зафиксировали как поставленные историей вопросы, так и сформулированные идеологией ответы. Сразу бросилось в глаза то, что вопросы касались в основном проблем самообоснования власти. Они отражали, как мы уже отмечали, потребность власти в обеспечении легитимности, целостности, направленности собственного развития. Каждый из них фиксировал проблему определения какого-то одного, уникального и в то же время универсального механизма самообоснования властной реальности. Разрешая проблему легитимности власти, мы, в сущности, пытались объяснить то, что в настоящих условиях является и должно быть постоянно воспроизводимым источником властвования. Когда история поменяла свои акценты, в центре внимания властвующего субъекта оказалась проблема целостного бытия современной российской власти. Все усилия в этом случае оказались сконцентрированы на вычленении тех предельных оснований властвования, которые определяют непрерывность и самодостаточность его осуществления. Наконец, обращаясь к теме направленности властного самодвижения современного российского общества, к вопросу о формировании его потенциальной и реальной субъектности, власть сумела вычленить во множестве векторов и механизмов его превращения только те, которые определяют возможность выбора самостоятельного пути исторического развития и необходимость превращения произведенного им выбора в развернутую систему властного саморазвития. Фактически через обретение и преодоление, в том числе и с помощью идеологии, внутренних проблем своего самоопределения и самообоснования, современная российская власть за очень короткий исторический срок сумела дойти, дотянуться до границ — до самых «красных линий» исторического мира России.

Она вернула себе и обществу шанс на восстановление в новых исторических условиях национальной идентичности российской исторической жизни. В свое время этот шанс нам «подарили» большевики. И мы стройными колоннами по призыву партии отправились на стройки социализма в поисках того «котлована» (А. Платонов), в котором покоится пока еще спящая новая историческая общность — советский народ. Был у нас шанс с помощью демократического транзита вернуться из застенков советского тоталитаризма в мировую историю и за счет выбора свободы восстановить разрушенную советским народовластием связь времен, воссоздать деформированный социалистическим строительством наш естественный и объективный исторический путь. Современная российская власть, пройдя определенный, достаточно напряженный, хотя и не долгий путь самоопределения, вновь дает нам реальный шанс на продолжение и эффективное осуществление нескончаемого диалога с самими собой - шанс на определение национальной идентичности. То, что этот процесс инициирует власть, – не хорошо и не плохо. В российской истории такой вариант развития событий практически уже стал константой. Важнее понять не то, кто начал, а кто сумеет продуктивно закончить этот процесс — воссоздать искомую идентичность в качестве надежной основы последующего развития российского общества и власти.

Современная российская власть не только поставила вопрос о необходимости достижения национальной идентичности, но и достаточно жестко определила параметры практического решения этой проблемы. Вновь вернула в исторический оборот, зафиксировала те «красные линии», которые образуют естественные границы его возможного решения. Причем, что очень важно, она воссоздала, представила их не только в качестве пределов практического поиска россиянами своей идентичности, но и как своеобразные «красные линии» еще только предстоящего идеологического строительства.

Ответ идеологии на соответствующие запросы современной российской власти был, на наш взгляд, абсолютно адекватным. Она предложила не просто некие более или менее осмысленные идеи и востребованные «молчаливым большинством» идеологемы, но представила в качестве своеобразных границ практического и идеологического поиска современной идентичности те духовные матрицы, которые традиционно использовались для идеологического обеспечения функционирования соответствующих процедур и механизмов самообоснования исторической жизни России. С их помощью идеология не просто отделяет идентичное от того, что таковым не является, но она особым образом присваивает «красные линии» истории и делает их границами своего бытия. В последующем, и это очень важно, она должна будет произвести из них конкретно-исторические пределы процесса идеологического строительства. И это будет его своеобразной вершиной. Очевидно, что в настоящее время мы находимся только в самом начале этого вероятно долгого и непростого пути.

Основной смысл идеологического существования тех духовных матриц, которые в настоящее время проявляются всего лишь как «красные линии» идеологического строительства — своеобразные «пустые» и «произведенные» формы духовного производства, заключается в том, что с их помощью, на их основе в последующем должны будут реально заработать универсальные механизмы развития национальной идентичности. Именно они будут задавать и формировать ключевые траектории идеологического самоопределения современного российского общества и власти.

Для идеологического строительства наличие соответствующего субъекта и некоторых идеологем, которые могли бы при определенных условиях исполнить роль средства деятельности этого субъекта, совершенно недостаточно. Этот процесс оказывается очень сильно зависим от некоторых, на первый взгляд может показаться, не существенных изменений исторической и властной реальности. Напомним, что важнейшим результатом становления современной российской власти и обновленной формы олигархического капитализма было то, что с помощью специфических доступных им властных и идеологических средств были вновь подтверждены «красные линии» российской исторической жизни. В новых исторических условиях они оказались там, где и должны были быть, – на границах тождества властной и исторической реальности. Предшествующий исторический опыт, на чем настаивают те, кто вновь напоминает нам о существовании этих границ, свидетельствует о том, что пренебрежение данным историческим фактом может дорого стоить российскому обществу. И особенно важно помнить о том, что преодоление и присвоение «красных линий» в принципе невозможно без соответствующих действий по их практическому и идеологическому превращению в механизмы саморазвития общества и власти. Непрерывность и продуктивность этого процесса как раз и призваны обеспечить те духовные матрицы, о которых мы говорили выше.

Когда власть смотрит в идеологическое зеркало, она видит в нем свое собственное отражение — тот продукт властного развития, который в особенной идеологической форме замещает и представляет специфическую логику осуществления данного процесса. Идеологема «суверенной демократии» возникает в результате разрешения одной из ключевых проблем развития власти — проблемы легитимности. Эта проблема, в свою очередь, является производной, отражает и выражает особый способ самообоснования власти — наличие у нее определенного источника развития, который является гарантом ее суверенного саморазвития. Исторически конкретных форм и способов идеологического выражения данного способа самообоснования власти может быть бесконечное множество, а всеобщая форма всегда одна — традиционализм. Естественно, что в реальном историческом процессе все эти формы между собой взаимосвязаны настолько тесно, что представить одну без другой абсолютно невозможно. Вместе с тем, существуют некие практические границы их взаимопроникновения, которые полагают их существенные различия. Можно говорить о властных, политических, социальных, идейных и идеологических программах, раскрывающих «тайные» источники развития суверенной власти. И в этом смысле традиционализм может быть способом властвования, политической доктриной, идеологической программой, философской и научной концепцией. В сфере самоопределения идеологии, а именно об этом мы сейчас ведем речь, он всегда существует как граница данного процесса. Будучи «красной линией» идеологического строительства, традиционализм отражает и выражает всего лишь один, но существенный факт — наличие у истории и власти своих собственных источников развития. Будучи особой идеологической формой, традиционализм заключает в себе возможность из самого себя производить некоторое духовное содержание, которое будет доста-

точно объективно представлять специфическую логику функционирования и обновления власти. Являясь идеологической формой развития и разрешения проблемы источника самообоснования власти, традиционализм может существовать на границах идеологического строительства в виде своеобразной духовной матрицы, которая потенциально способна стать постоянно действующим источником воспроизводства не только «произведенного» содержания, но и эффективным способом разрешения данной проблемы

Идеологема «духовных скреп» также является отражением конкретно-исторических проблем самообоснования современной российской власти и общества. Она фиксирует, выделяет в этом процессе проблему не источников, а предельных оснований осуществления целостного бытия власти. Универсальной духовной матрицей, которая, будучи «красной линией» идеологического строительства, отражает всеобщее содержание этой проблемы и заключает в себе соответствующий способ ее решения, является фундаментализм. Независимо от конкретно-исторических условий его осуществления, он всегда делает одно и то же, производит один и тот же идеологический продукт — устанавливает, в специфических формах полагает связь между процедурой самообоснования и предельными основаниями целостного властного бытия.

Идеологема «идеологии развития», как мы уже неоднократно отмечали, также является способом отражения определенной проблемы самообоснования современной российской власти. Она выражает ее конкретно-исторический и универсальный смысл особым образом — посредством реконструкции не источников и предельных оснований данного процесса, а той порождающей формы, которая оказывается действительным началом системного развития власти. Таким началом, которое в самом себе заключает как возможность, так и необходимость направленного изменения целостного властного бытия. Идея создания «идеологии развития», будучи реальным началом идеологического строительства, фиксирует всего лишь конкретные условия, которые могут способствовать установлению власти власти над властью и обществом. Всеобщее и универсальное содержание лежащей в его основании проблемы и возможных способов ее разрешения продуцирует и воспроизводит не эта идея, но такая духовная матрица, очередная «красная линия» идеологического строительства, как консерватизм. На ее основе формируется система координат и основные векторы самообоснования целостного и сущностно определенного властного бытия и соответствующей ему идеологии.

В контексте нашего исследования традиционализм, фундаментализм, консерватизм существуют как своеобразные духовные матрицы, воспроизводящие на границах идеологического строительства основные формы воспроизводства и обновления проблемы исторического самообоснования власти и определенные способы ее решения. Потенциально, опосредованно их идеологическим самоопределением, когда они становятся постоянно действующим источником производства идеологем, данные духовные матрицы могут стать основанием для формирования различных политических доктрин и государственных практик. При этом в зависимости от условий осуществления они будут с разной степенью проникновения в суть явления отражать и выражать объективную логику самообоснования власти. Что не только не отменяет, но, напротив, предполагает их достаточно тесное взаимодействие между собой. Не следует забывать, что именно власть - современная российская власть возвращает нас к этим матрицам. Принуждает вернуться к ним и, исходя из своих сугубо утилитарных целей, определяет их в качестве «красных линий» еще только предстоящего идеологического строительства, полагает их в виде особых границ осуществления данного процесса. В результате короткой, но очень содержательной истории современной российской власти, серьезной трансформации основных рефлексивных процедур возрождения обслуживающей ее идеологии на границах исторической жизни России вновь проявляются «красные линии». Вновь на первый план ее развития выходит проблема национальной идентичности. Она буквально взрывает систему духовного производства и фактически выталкивает традиционализм, фундаментализм, консерватизм на границы идеологического развития властного социума. Станут ли духовные матрицы из произведенных идеологических форм производящими конструктами идеологического строительства новой власти и общества, зависит от того, сумеем ли мы в этом процессе практически воссоздать такие траектории их самообоснования, которые бы гарантировали их превращение из «красных линий» в идеологические механизмы обеспечения исторической идентификации российского общества и власти.

Мы призываем читателя на незначительное время в своем сознании вынести за скобки все то огромное, веками накопленное, в напряженных трудах и ожесточенной борьбе произведенное содержание, которое раскрывает смысл существования таких форм духовного производства, как традиционализм, фундаментализм, консерватизм. Это необходимо сделать для того, чтобы можно было зафиксировать их почти невидимое бытие в качестве «красных линий» самоопределения власти и идеологии. Конечно же, это будет очень сильная, но, безусловно, допустимая абстракция. Она позволит нам увидеть то, каким образом на произведенных властью и идеологией границах исторической реальности возможно зарождение новых источников (традиционализм), оснований

(фундаментализм), форм ее развития (консерватизм). Мы еще не знаем, каких конкретно источников, оснований и форм. Но мы точно знаем, что появятся они с помощью идеологического строительства, в процессе превращения традиционализма, фундаментализма, консерватизма из «красных линий» данного процесса в устойчивые и эффективно действующие механизмы идеологического обеспечения национальной идентичности.

В результате возрождения идеологии в форме конкретных идеологем на авансцене истории вновь появились некие предельные духовные матрицы. Пускай пока они проявили себя всего лишь как «красные линии», своеобразные границы этого процесса, которые скрывают в себе абстрактную возможность обновления национальной идентичности. Но, тем не менее, эта возможность уже существует и можно говорить о вероятных путях и способах ее развития. Не претендуя на какие-то окончательные ответы, мы хотели бы обратить внимание на четыре основных параметра процесса их пробуждения и функционирования в качестве основополагающих матриц предстоящего идеологического строительства.

Во-первых, как мы уже не раз отмечали, на той самой авансцене истории, где в соответствии с объективной необходимостью самообоснования власти оказались выделенные выше духовные матрицы, в ближайшие годы будет происходить развернутое идеологическое строительство. Будет целенаправленно и системно осуществляться строительство идеологического дома, в котором современная российская власть сможет полноценно и систематически осуществлять ключевые процедуры своего исторического самообоснования. Во-вторых, этот процесс был бы невозможен, если бы в результате самоопределения этой власти и возрождения идеологии не появился полноценный субъект, если бы у него не сформировалась устойчивая потребность в осуществлении этой деятельности. Он бы наверняка не состоялся, если бы не появилась новая номенклатура, которая оказалась способна не просто инициировать глубокие властные и идеологические изменения, но активно и целенаправленно направлять их, формировать ключевые смыслы и векторы развития данного процесса. В-третьих, важнейшим условием, определяющим потенциал и продуктивность действий любых механизмов властного и идеологического самоопределения данного субъекта, будет прямое или косвенное участие в них тех, казалось бы, «пустых» духовных матриц, которые сначала оказываются границами, но потенциально готовы стать пределами и универсальными механизмами его развития. Потенциально они призваны и готовы наполнить процесс перерождения границ в пределы глубокими историческими смыслами, понятными целями, безусловными ценностями и адекватными нормами. Наконец, в-четвертых, и это является некоторой исторической особенностью набирающего темп идеологического строительства, традиционализм, фундаментализм, консерватизм оказываются в этом процессе не только границами его осуществления, то есть теми точками, с которых должна осуществляться его рефлексия в самого себя, но и своеобразными «красными линиями», за которые никто из тех, кто действительно заинтересован в достижении поставленных целей — создание идеологических условий для установления власти власти над властью и обществом, - заходить не может ни при каких обстоятельствах. Очевидно, что их превращение из нейтральных границ в «красные линии» связано, с одной стороны, с объективной логикой развития власти, конкретные проблемы самообоснования которой требуют соответствующего идеологического разрешения; с другой стороны, с аналогичной логикой самоопределения субъекта идеологического строительства, который, опираясь на свой уже состоявшийся опыт взаимодействия с духовными матрицами и соответствующий исторический опыт их рефлексивного развития, стремится к тому, чтобы никто и никогда не мог подвергнуть сомнению наработанный им с их помощью духовный и практический потенциал. Внутри идеологической реальности, ограниченной соответствующими «красными линиями», которые, кстати, никуда не исчезают, критически осмыслять и перерабатывать можно и даже нужно любые идеи и идеологемы. Но только нельзя, по мнению архитекторов этого проекта, покидать ту строительную площадку, которая ими очерчена. Надо стремиться к тому, чтобы национальную идентичность реконструировать из нее самой. Только так, по мнению современной российской власти, мы можем постичь и присвоить желаемое ею прошлое, настоящее и будущее страны.

Идеологическое строительство, как и любое другое, без строителей осуществить невозможно. Архитекторы и прорабы построить сами по себе ничего не могут. В этом смысле приглашение к участию в этом процессе всех, кто способен внести посильный вклад в решение тех проблем, которые лежат в его основании, выглядит достаточно уместно и оправданно. Еще более убедительным кажется приглашение к «историческому творчеству» [5, с.10], к обсуждению вопросов создания «идеологии развития» «людей разных взглядов». Это очень важный посыл со стороны власти, который, с ее точки зрения, должен в какой-то части обезопасить предстоящий процесс от угроз «идеологической монополии» [5, с.10]. По эту сторону «красных линий» идеологического строительства все со всеми должны научиться разговаривать и, по возможности, договариваться. Правда, есть еще два условия, которые настоящие идеологические строители должны выполнить для того, чтобы оказаться среди тех, кто творит и борется с идеологическим монополизмом.

Очень важные условия, которые характеризуют уже не внешние границы данного процесса, а некоторые внутренние, достаточно подвижные, хотя и неизменные пределы его осуществления. «При всей разнице наших взглядов дискуссия об идентичности, о национальном будущем невозможна без патриотизма всех ее участников» [5, с.10]. Причем говорится в данном случае о патриотизме «в самом чистом значении этого слова» [5, с.10], то есть как минимум очищенном от какой-либо явной, или скрытой оппозиции самой России. Поскольку Россия всегда развивалась «как государство-цивилизация» [5, с.11] и это придавало ее политике необходимую историческую гибкость при решении многих национальных, государственных, культурных, социальных проблем, постольку при самоидентификации российского социума необходимо максимально учесть соответствующий исторический опыт, а также общественный и властный потенциал данной формы государственного устройства российского общества. В конечном итоге, патриотизм должен стать безусловной нормой всяких идеологических действий, а «государство-цивилизация» - превратиться в универсальную форму не только их государственного, но и идеологического устройства. В дискуссиях по вопросу создания «идеологии развития», идеологического строительства той дороги, по которой власть поведет нас к Храму, можно и нужно участвовать всем, кто не на словах, а на деле готов превратить этот процесс в историческое творчество, кто является патриотом «в чистом значении этого слова» и кто практически готов созидать окружающий общественный мир с помощью исторически сложившихся идеологем и практик «государства-цивилизации». Вероятно, со мной согласится каждый - не так уж много условий необходимо выполнить идеологическому строителю для того, чтобы оказаться по нужную сторону «красных линий».

Чем принципиально отличается процесс возрождения идеологии от того, что мы называем идеологическим строительством? Исключительно тем, что, будучи рефлексивной формой развития власти, возрождение идет как бы вслед за объективной логикой ее изменения. В процессе же идеологического строительства отношение идеологии и власти как бы переворачивается: источником его становится не власть, а идеология. Власть всего лишь запускает этот процесс и создает некоторые условия для его реализации. Но осуществляется он в форме идеологического строительства, посредством самоопределения идеологии на основе тех духовных матриц, которые являются его границами — путем саморазвития «идеологии развития».

Начинается этот процесс с национальной идеи — квинтэссенции процесса национальной самоидентификации российского общества и власти. Не с ее определения, уточнения смысла и исторического содержания, чем усердно занимается подавляющее большинство рассуждающих на эту тему идеологов, а с решения проблемы эффективного включения данной идеи в процесс духовного производства соответствующего идеологического продукта. Очень важно таким образом определить и зафиксировать ее место и роль в этом процессе, чтобы она из предмета ритуальных поклонений превратилась в устойчивый механизм производства исторических смыслов. Тех смыслов, которые могли бы обеспечить развитие «идеологии развития» и обновление национальной идентичности.

«Идеология развития» – это специфическое зеркало, посмотревшись в которое всякий (народ, этнос, нация, государственное и социальное образование, человек) может идентифицировать себя в качестве особого, зачастую неповторимого субъекта российской истории, установить свою национальную, социальную, государственную, гражданскую идентичность. Для того чтобы она стала таким зеркалом, необходимо выполнить целый ряд не очевидных, но обязательных условий. Они возникают и специально создаются в процессе идеологического строительства — конструирования такой системы зеркал, которая бы адекватно отражала объективные процессы и смыслы практической истории страны и населяющих ее людей. И очень важно, чтобы все эти зеркала, проявляясь в форме различного рода идеологических конструктов, адекватно представляли их взаимодействие в сложном и противоречивом процессе самоидентификации суверенной, самостоятельной, целостной истории России.

Поскольку изначально идеологическое строительство осуществляется в заданных границах и с определенными внутренними ограничениями, постольку особое значение для превращения его в процесс исторического творчества многих субъектов имеет то, каким образом, с каким запасом свободы будут действовать соответствующие механизмы идеологического производства. Национальная идея — это основополагающий механизм превращения продуктов духовного производства традиционализма, фундаментализма, консерватизма в идеологемы «идеологии развития». Она не просто направляет этот процесс по определенной траектории, безуспешными поисками которой заняты многие и многие идеологические творцы, но задает меру свободы его осуществления и формирует уровень рефлексии произведенного продукта — национальной идентичности.

Задача не простая, ибо моделировать спонтанное самоопределение свободы, которая лежит в основании всякого, в том числе и идеологического, творчества, да еще в предзаданных властью условиях, всегда сложно. Но тут нам на помощь, как это ни покажется странным, приходит та самая власть, которая оказывается способна не только инициировать превраще-

ние «красных линий» идеологического строительства в своеобразные, в каком-то смысле саморазвивающиеся пределы его осуществления, но и обеспечить защиту этого процесса от необоснованных ограничений. В результате таким образом организованного властного самоопределения идеологического строительства традиционализм, фундаментализм, консерватизм начинают относительно свободно производить некоторое идеологическое содержание, формально и по существу припаривать соответствующие идеи, настроения и убеждения людей. Но, что значительно важнее, они пробуждают ото сна, инициируют деятельность такого универсального механизма духовного производства, как национальная идея. В результате массированного давления со стороны «возбужденных» духовных матриц процесс самодвижения национальной идеи значительно интенсифицируется. В результате чего хоровод произведенных этими матрицами идей и идеологем становится все более интенсивным и массовидным. В нем появляются некие сложносоставные идеологические комбинации, которые начинают двигаться уже не по законам традиционализма, фундаментализма и консерватизма, а в логике процесса самоидентификации национальной идеи. В этом смысле можно сказать, что национальная идея — это своеобразный трансформатор, который за счет своего самодвижения превращает множество произведенных на основе духовных матриц идей в единую, способную к саморазвитию «идеологию развития». Превращает их в «произведенно-производящие» идеологемы и универсальные средства обретения национальной идентичности. Она не просто объединяет, «склеивает» три различные, самодостаточные идеологические процедуры и произведенные ими продукты в нечто единое, но превращает их движение в организованный процесс национальной идентификации людей, их поступков и идей.

Существует ли у современной России национальная идея? И да, и нет. Она, безусловно, существует в глубинах исторической и духовной жизни нации. Проявляется как духовный аналог и живая душа многовековой истории России. И в то же время в современной истории, несмотря на все, в том числе и идеологические заклинания, ее нет. Она может существовать исключительно как постоянно действующий механизм исторической идентификации — как находящийся в постоянном движении магический смыслообразующий кристалл исторической жизни общества, задающий ритм и придающий смысл этому процессу. Сегодня он неподвижен. Сверкает хотя и ярко, но безжизненно. Попытка современной власти с помощью идеологии вернуть ему жизнь и движение представляется делом важным и необходимым. Несмотря ни на что она может оказаться и удачной. Следует выполнить только некоторые обязательные условия. Национальная идея — это не картина на стене, а работающий механизм установления и подтверждения российской идентичности. Идеология - лишь одна из многих духовно-практических форм, с помощью которых можно было бы обеспечить бесперебойную и эффективную работу этого механизма. Любая попытка установления идеологической монополии на национальную идею, как это было не раз в прошлой истории, закончится тем, что она либо превратится в памятник, к которому не зарастет народная тропа, либо станет средством идеологического принуждения и насилия. Своеобразным гарантом того, чтобы это не случилось, является активное вовлечение ее в процесс духовного и исторического возрождения российского общества. Очень важно, чтобы национальная идея оказалась в руках тех строителей «идеологии развития, которых мы по праву могли бы назвать духовными лидерами и моральными авторитетам нашего общества. Их роль в ее «пробуждении» и защите от чрезмерного давления со стороны строителей новой идеологии трудно переоценить.

Национальная идея не должна стать идеологемой, но она может быть определенным образом включена в процесс идеологического строительства с тем, чтобы, пропуская сквозь себя «токи» и энергию традиционализма, фундаментализма, консерватизма, способствовать превращению различного рода духовных образований (идей) в идеологемы. На этот факт следует обратить особое внимание именно сейчас, потому что данный процесс еще только начинается и есть возможность правильно настроить работу такого сложного духовно-практического механизма, как национальная идея. Пока мы еще можем сделать так, чтобы она оказалась основным фильтром и преградой на пути проникновения в мир становящейся «идеологии развития» различных националистических, шовинистических, безнравственных, эксцентричных, примитивных, унифицированных, политически ангажированных, ксенофобских идей. Из которых, как показывает исторический опыт, очень просто при желании создать очередную убийственную идеологию. Как нам представляется, именно национальная идея, а не патриотизм «в чистом значении этого слова» и, тем более, не образ России как «государства-цивилизации» в состоянии, с одной стороны, остановить вал тех идей, которые без достаточных на то оснований желали бы стать идеологемами «идеологии развития» и национальными идентификаторами; с другой стороны, только с ее помощью в заданной системе координат можно создать нечто единое и непротиворечивое, исторически и идеологически корректное. Поскольку национальная идея - это не только образ, но и механизм национальной идентификации, постольку ее роль в процессе отбора и превращения различного рода содержательных идей традиционализма, фун-

даментализма и консерватизма в идеологемы, трудно переоценить. В конечном итоге, именно она в тот или иной исторический период расставляет акценты в процессе «слияния» этих трех идейных потоков и фиксирует конкретно-исторические приоритеты в их идеологизации. Так, например, в настоящее время в центре идеологического строительства оказалась идеологема консерватизма. Это не случайно, поскольку именно она в настоящий момент наиболее точно отражает цель идеологического строительства — создание «идеологии развития». А, как известно, в существующей системе координат этого процесса именно консерватизм способен наиболее точно и глубоко представить путь и средства достижения этой цели. Можно предположить, что в последующем, когда могут измениться приоритеты в самообосновании «идеологии развития», на первый план выйдут соответствующие идеи традиционализма и фундаментализма. А консерватизм, в этом случае, может превратиться всего лишь в форму их воспроизводства и обновления. По этой причине категорически нельзя поручать создавать современную идеологическую концепцию консерватизма консерваторам, или тем, кто всегда очень пафосно себя так называет. Очевидно, что в этой работе могут и должны участвовать все те, кто не на словах, а на деле способен сформулировать ключевые для национальной идентичности России идеи, описывающие и объясняющие ее способность к самостоятельному историческому развитию — разве не в этом исторический смысл консерватизма? И не просто сформулировать, но и превратить их в устойчивые идеологемы развития и воспроизводимые источники идеологического строительства новой России.

Для того чтобы досконально разобраться с вопросом о том, кто же все-таки должен быть и в действительности является субъектом идеологического строительства, обратимся к соответствующим идеям известного французского философа-марксиста Луи Альтюссера. Развивая предложенный им образ «четверичной системы обращения в субъектов» идеологии, он писал следующее: «удвоенная зеркальная структура идеологии обеспечивает следующее:

обращение к «индивидуумам» как к субъектам;

их подчинение Субъекту;

взаимное узнавание между субъектами и Субъектом и между самими субъектами, а в конечном итоге и узнавание субъекта самим собой;

абсолютная гарантия того, что все обстоит именно так и что при условии, что субъекты признают то, чем являются, и ведут себя соответствующим образом, все будет хорошо: “Да будет так!”» [1, с.30]

У истоков идеологического строительства стоит один «Субъект» (Л.Альтюссер) – современная российская власть. Возможны два сценария развития его последующих действий. Этот субъект так и останется единственным строителем «идеологии развития», и произведенный им идеологический продукт в форме самодостаточной политической доктрины будет использоваться им в качестве средства установления его власти над властью и обществом. Либо же он, используя, например, формат «четвертичной системы обращения в субъектов», инициирует процедуры «исторического творчества» различных «индивидуумов» и общественных институтов и, тем самым, максимально вовлекая их в этот процесс, создаст необходимые и достаточные условия для полноценной и содержательной работы по превращению «красных линий» идеологии в пределы и механизмы ее развития. Важно подчеркнуть, что в том и другом случае полученный продукт будет использоваться субъектом, инициирующим данный процесс, в его собственных целях. Идеологическое строительство не является завершающей формой развития «идеологии развития». Можно предположить, что в будущем в отношении власти и идеологии возникнет некая проблемная ситуация, в разрешении которой будут участвовать самые разные субъекты. И в результате их деятельности произойдет кардинальное изменение процедур самообоснования власти и идеологии, своеобразное оборачивание достигшей своей цели власти и созданной при ее участии идеологии. Суть этой процедуры и нового этапа идеологического развития будет заключаться в том, что все последующие процессы будут инициированы не властью и не идеологией самой по себе, а некими, особым образом оформленными, общественными интересами. Они, так же как и интересы, будут надежно опираться на уже созданный, хотя и подвижный, но достаточно устойчивый фундамент общественной и гражданской идентичности. Тогда уже будет не столь существенно, кто в действительности станет субъектом этого процесса. В его эпицентре окажется вопрос об эффективной организации самодеятельности его участников, о возможностях и перспективах их продуктивного самоуправления, в том числе и в вопросах развития «идеологии развития».

Важнейшей проблемой идеологического строительства, особенно что касается формирования «зеркальной структуры идеологии» и организации практической деятельности «хороших» и «плохих» субъектов [1, с.30], является проблема определения меры свободы их «исторического творчества». Речь не идет в данном случае о том, кто и как конкретно задает эту меру и насколько она носит объективный характер. Нас более интересуют объективно действующие механизмы и устойчивые формы его осуществления. Поэтому нам показалась интересной идея Л. Альтюссера об «идеологических аппаратах государства», которые по определению призваны за счет совмещения в своей деятельности общественных и частных интересов существенно увеличить потенциал самодеятель-

ности в сфере идеологии, что не может, в конечном итоге, не сказаться на увеличении степеней свободы различных субъектов данного процесса. Несколько слов о том, что это за «аппараты» и как они работают.

Идеологическое строительство — особый механизм идеологизации (идентификации «идеологии развития» в виде различного рода идеологем) «хороших субъектов» и идеологического отторжения «плохих субъектов». В этом достаточно бурно протекающем процессе особую роль призваны исполнить различного рода «идеологические аппараты государства» (ИАГ). Л. Альтюссер определял их следующим образом: «под идеологическими аппаратами государства мы понимаем некоторое количество таких реальных явлений, которые предстают непосредственному наблюдателю в форме различных специализированных общественных институтов. Мы предложим эмпирический список таких институтов, который, конечно же, надо будет внимательно изучить, проверить, выправить и переработать. На данный момент в качестве идеологических аппаратов государства мы можем рассматривать следующие общественные институты (порядок, в котором мы их перечисляем, не имеет особого значения): ИАГ (система различных “школ”, государственных и частных); – семейный ИАГ; – юридический ИАГ [1, с.7]; – политический ИАГ (политическая система, в которую входят и различные политические партии); – профсоюзный ИАГ; – информационный ИАГ (пресса, телевидение, радио и так далее); – культурный ИАГ (изящная словесность, искусства, спорт и так далее).» [1, с. 26]

Фактически, если иметь в виду настоящий этап идеологического строительства, процесс построения всех субъектов в единые «марширующие сами по себе» (Л. Альтюссер) колонны с помощью различных «идеологических аппаратов государства» уже начался. Его целью является не только исключение из «исторического творчества» «плохих субъектов», которые все время норовят идти не в ногу, но, самое главное, создание условий для того, чтобы все остальные субъекты маршировали как бы сами по себе, но в правильном направлении — не заходили за «красные линии» и лучше, если при этом они будут двигаться колоннами. В свое время аналогичную задачу достаточно успешно решал и решил И. В. Сталин. Он создал различного рода общественные, профессиональные, творческие союзы и с их помощью сформировал стройные ряды «хороших субъектов» идеологического строительства социализма. «Большой Брат» (Д. Оруэлл), «Субъект» (Л. Альтюссер) и сегодня пытается примерно в тех же самых целях использовать этот бесценный исторический опыт. Появились новые общественно-политические движения: Общероссийский Народный Фронт, Движение в защиту человека труда. В ближайшее время вполне возможно начнется интенсивный процесс регионализации общественно-политической жизни страны, и можно будет ожидать появления соответствующих движений с четко выраженными региональными целями и интересами. Создаются различного рода гуманитарные профессиональные объединения (Российское историческое общество, Общероссийская ассоциация учителей русского языка и литературы, Российское общество политологов и т.п.), которые призваны обеспечить высокий интеллектуальный и организационный уровень предстоящей идеологической работы. Происходит переформатирование деятельности существующих уже не раз доказавших свою лояльность современной российской власти творческих союзов и организаций (кинематографистов, писателей, социологов). На самом высоком уровне организуются и проводятся встречи с различными передовыми отрядами постсоветской интеллигенции, на которых обсуждаются ключевые вопросы современного этапа идеологического строительства (Российское литературное собрание, встреча Президента РФ с заведующими кафедрами конституционно-правовых дисциплин, встреча руководителей Администрации Президента РФ с заведующими кафедрами общественных наук и т.п.). Идет активный поиск субъектов-союзников и субъектов-соратников. С помощью государственной грантовой поддержки происходит первоначальная институционализация отдельных интеллектуальных площадок, на которых потенциально можно было бы в последующем организовать творческий процесс по созданию «идеологии развития» и клонированию субъектов ее развития. Фактически уже сегодня мы имеем дело с определенными формами и этапами практической реализации необъявленной государственной политики в сфере идеологии. Можно предположить, что, поскольку в настоящее время мы находимся еще в начале этого процесса, то в последующем он будет проходить более активно, массированно, с привлечением все новых и новых субъектов «исторического творчества» в сфере идеологии и с использованием еще большего числа «идеологических аппаратов государства».

Современная российская власть отказалась не только на словах, но и на деле от идеи государственной идеологии. Вместе с тем, она не отказывается и не собирается этого делать от проведения долговременной государственной политики в идеологической сфере. Конечно, при определенных условиях эта политика может победоносно завершиться созданием государственной идеологии. И мы знаем примеры, когда именно так и происходит. Но чтобы такого не случилось, необходимо, в том числе, уже на этапе начала идеологического строительства снять те угрозы, которые могут реально дестабилизировать ситуацию и существенно деформировать суть идеологического строительства — превратить с помощью различного

рода ИАГ развитие «идеологии развития» в строительство государственной идеологии. Одна из наиболее явных угроз, которую трудно не заметить, заключается в том, что при определенных условиях у идеологических аппаратов государства может появиться собственная идеология. Вместо того чтобы «применять» [1, с.27] «идеологию развития», они попытаются стать субъектами ее производства. Основная задача функционирования ИАГ, как мы помним, заключается в том, чтобы посредством идеологии, с помощью доступных им средств обеспечить баланс и развитие единства частных, общественных и государственных интересов. Если ИАГ будут «гармонизировать» частные (новой номенклатуры), общественные («молчаливого большинства») и государственные (современная российская власть) интересы посредством государственной пропаганды и административного насилия, результат будет один, причем независимо от того, что хотели бы получить в конце идеологические строители и их покровители. В результате такого рода идеологического строительства на месте государственной политики в области идеологии вновь появится государственная идеология. Между «государственными аппаратами», которые работают в основном с помощью насилия и принуждения, и «идеологическими аппаратами государства», которые «применяют» идеологию при решении задач объединения частных, общественных и государственных интересов, различия существенные, но отделяет их деятельность друг от друга очень тонкая, для многих неочевидная и невидимая грань. Желание в определенных условиях усилить роль государства, обеспечить не столько государственные, сколько господствующие в этот момент интересы, стремление преодолеть то, что их отличает друг от друга, может существенно дезориентировать процесс идеологического строительства. Неуверенность в своих силах продуцирует организованные общественные истерики, является основанием для возрождения нетерпимости к оппонентам. Желание достичь результата быстро и любой ценой может спровоцировать у идеологических аппаратов государства неадекватные реакции. И породить в общественных институтах, с которыми они работают, страх перед идеологией вообще и желание активно противодействовать административному нажиму и огосударствлению. Все это может инициировать в рамках идеологического строительства те процессы, которые будут существенно, вплоть до абсолютного тождества сближать деятельность государственных аппаратов и идеологических аппаратов государства. И, что самое важное, сблизившись, они общими усилиями смогут превратить государственную политику в области идеологии в процесс создания господствующей идеологии. Она может и не быть по форме государственной идеологией, но проводить ее в жизнь с присущей им энергией будут совместно государственные аппараты и идеологические аппараты государства.

Еще одной серьезной угрозой для развития «идеологии развития» может стать специфическая активность ИАГ по обеспечению связи господствующей идеологии с практикой идеологического строительства и их целенаправленная деятельность по созданию своеобразных приводных ремней, с помощью которых идеологические сигналы должны будут доходить до адресата, в первую очередь, до тех субъектов, которые свободно и творчески пытаются заниматься развитием этой идеологии, и особенно до тех широких народных масс, которые А. Платонов достаточно образно назвал «неназначенцами», то есть до тех, кто находится как бы вне системы прямого административного принуждения.

Поскольку основной смысл и цель деятельности ИАГ сводится к применению «идеологии» развития, должны появиться, первоначально функционально определенные, в последующем соответствующим образом структурированные, идеологические аппараты, нацеленные не на воспроизводство существующих властных отношений, не на расширенное воспроизводство их устойчивого существования и господствующего положения, а на создание условий для развития этих отношений и соответствующей им идеологии. Это специальная задача. Она должна быть выделена из общего контекста деятельности ИАГ и необходимо предпринять особые усилия для выстраивания соответствующих траекторий развития ИАГ. В том числе необходимо предпринять целенаправленные действия по созданию дополнительных стимулов их продвижения в заданном направлении. Если этого не случится, то может возникнуть реальная угроза такого рода стабилизации «стабильности», в результате которой в «идеологии развития», кроме господствующей идеологии и ее вечной стабильности, ничего не останется.

Представим себе такую ситуацию: новая номенклатура в целях развития «идеологии развития», с помощью специфических форм деятельности ИАГ начинает активно и целенаправленно из «красных линий» (традиционализм, фундаментализм, консерватизм) идеологического строительства создавать такие идеологемы господствующей идеологии, которые, в силу того, что все остальные реальные и потенциальные субъекты будут вытеснены из этого процесса, с необходимостью станут по отношению к «идеологии развития» исполнять только одну роль — охранительную. О каком развитии идеологии в этом случае можно будет говорить? Категорически нельзя допустить того, чтобы в процессе идеологического строительства доминировал тот субъект и те средства, с помощью которых этот процесс начинается. Вытеснение и уничтожение свободы исторического творчества, а также тех самодеятельных субъектов, которые явля-

ются его носителями, ведет не просто к монополизму определенных идеологем, а к существенному искажению целей и смыслов, основных векторов идеологического строительства, что способно деформировать не только суть этого процесса, но и действия всех без исключения универсальных и особенных механизмов национальной и исторической идентификации.

Особенно эта угроза становится опасной, приобретает тревожный характер, когда в рамках идеологического строительства происходит самоопределение такого важнейшего направления его осуществления, как идеологическая борьба, смысл которой можно свести к двум основным процедурам — к отстаиванию своих принципиальных идеологических позиций и вовлечению в процесс активного идеологического строительства все новых и новых субъектов, разделяющих его базовые ценности и имеющих аналогичные интересы. Искажение смысла и деформация соответствующей практики идеологической борьбы, как показывает, в том числе, и опыт советской идеологии, может идти сразу по нескольким направлениям. Обратим внимание лишь на те, по которым мы движемся с особым азартом и с наибольшими угрозами для самих себя. Среди них самое распространенное, массовидное и с большой поражающей силой — значительное упрощение смысла и целей идеологической борьбы, сведение ее к жесткому и агрессивному противостоянию «своих» и «чужих» (1). Вместо прояснения, критического обоснования собственной идеологической позиции мы видим, в данном случае, активную борьбу, зачастую с помощью различных политических и административных методов с инакомыслием и «плохими субъектами». Очень часто в этой борьбе причины и стимулы идеологического строительства превращаются в необязательные следствия, а то, что было ранее следствием, становится причиной (2). В результате извращается их связь. Идеологическая борьба за верность и активную позицию «хорошего субъекта», который мог бы стать надежным союзником, превращается в противоборство с «плохим субъектом», который постоянно стремится стать врагом и нанести как можно больший ущерб тем, кто занимается позитивным идеологическим строительством. Если же при этом вдруг возникнут какие-либо непредвиденные проблемы с марширующими «хорошими субъектами», то всегда есть возможность воспользоваться таким эффективным инструментарием идеологической борьбы с «нашими», как манипулирование. Как оказалось оно может быть очень эффективным средством идеологической работы с «молчаливым большинством» (3). С его помощью можно быстро приподнять планку его идеологической лояльности и даже самодеятельной активности. Особенно, если направить активность «большинства» на борьбу с «чужими». Если все эти изменения в причинно-следственных связях идеологического строительства будут носить массовый и постоянный характер, появится реальная угроза того, что идеологическая борьба превратится в идеологическую войну (4). А на войне, как известно, действуют совершенно иные законы. Во всяком случае, находясь по своей или чужой воле на войне, мало кто думает о строительстве. Для того чтобы оказаться на арене боевых действий, следует выполнить еще одно очень важное условие — необходимо создать понятный и убедительный образ «врага». Для того чтобы начать военные действия, наличия «плохих субъектов» и всякого рода «чужих» совершенно недостаточно. Нужен надежный и уверенный в себе враг, который бесконечно плетет всякого рода заговоры, у которого есть свои глобальные и сиюминутные цели и он не побрезгует никакими средствами для того, чтобы их достичь. И для кого «идеология развития» России является не просто еще одним идеологическим вызовом современности, но основным объектом, против которого и должны быть направлены его разрушительные действия.

Завершая наш разговор о некоторых возможных тенденциях развития «идеологии развития» России на предстоящих этапах идеологического строительства, мы вновь хотели бы обратить внимание на то, что достигнуть поставленных целей мы сможем лишь тогда, когда сумеем превратить национальную идею в идеологическую матрицу и своеобразный волшебный кристалл, с помощью которого можно будет не просто осветить путь, но превратить «красные линии» идеологического строительства (традиционализм, фундаментализм, консерватизм) в развивающиеся пределы этого процесса и механизмы сотворения из идей соответствующих идеологем. Когда на смену новой номенклатуре придет множество самодеятельных субъектов, которые в атмосфере свободного исторического творчества сумеют создать такие «духовные скрепы», с помощью которых можно будет идентифицировать не только Россию, но и каждого россиянина. И когда эти субъекты с помощью соответствующих идеологем организуют деятельность ИАГ таким образом, что они превратятся в механизмы установления устойчивого и положительного баланса частных, общественных и государственных интересов в сфере идеологического строительства. Когда «хорошие субъекты с помощью соответствующих идеологем и аппаратов смогут не побеждать врага в неравной схватке, а строить тот новый дом, в котором не стыдно будет жить гражданам России.

Возможно ли сегодня это прекрасное завтра? Безусловно, да. Мы находимся еще только в самом начале данного процесса. И, несмотря на то, что в настоящее время формально пространство свободного идеологического творчества «хороших субъектов» существенным образом ограничено соответствующими «красными линиями», и почти все, что в этих случаях

необходимо, делается, но с прямо противоположным знаком — угрозы деформирования идеологического строительства, о которых мы говорили выше, реально осуществляются и существенно искривляют наш путь, шанс на развитие «идеологии развития» остается, и он является столь же реальным, как и те исторические ловушки и идеологические капканы, которые мы сами для себя ставим. И, несмотря на то, современная российская власть предлагает нам «идеологию развития» как судьбу, мы все-таки еще в состоянии превратить ее в путь. Для этого лишь не надо сводить глаза с горизонта.

Литература:

1. Штомпка П. Десять тезисов о статусе социологии в неравном мире // Социологические исследования. 2013. № 9.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Соч. Т. 8.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5.
5. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 526 с.
6. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. 304 с.
7. Дмитриев А. В., Пядухов Г. А. Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда // Социологические исследования. 2005. № 8.
8. Дмитриев А. В., Мукомель В. И. Этническая иммиграция: конфликтное измерение // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. М., 2008.
9. Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах. Ханты-Мансийск: Изд. дом «Новости Югры», 2012. 212 с.
10. Кардозу Ф. Э. Интервью // Свободная мысль. 2010. № 1.
11. Homans G. K. Social Behavior: Its Elementary Forms. N.-Y., 1961.
12. Большая энциклопедия: В 62 т. Т. 8. М.: Терра, 2006.
13. Шмелев Н. Модернизация экономики // Свободная мысль. 2010. № 2.
14. Кулябин А. И. Президентские республики — лидеры социального неравенства // Социологические исследования. 2013. № 9.
15. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592

References:

1. Sztompka P. Ten theses on the status of sociology in an unequal world // Sociological studies. 2013. № 9.
2. Marx K., Engels F. 18 brumera of Lui Bonapart // Work. T. 8.
3. Weber M. Favorites. M: Progress, 1990. – 808 p.
4. Weber M. the Basic concepts of stratification // Sociological studies. 1994. № 5.
5. Shkaratan O. I. Sociology of inequality. Theory and reality. M: Izd. house of the Higher school of Economics, 2012. – 526 p.
6. Zborowski G. E. Theory of social community. Ekaterinburg: University of Humanities, 2009. – 304 p.
7. Dmitriev A. V., Pyaduchov G. A. Ethnic groups of migrants and conflicts in the enclave of the labor market // Sociological studies. 2005. № 8.
8. Dmitriev A. V., V. Mukomel V.I. Ethnic immigration: a conflict dimension // Russia in the global processes: the search for prospects. M., 2008.
9. Zasypkin V. P, Zborovsky G. E., Shuklina E. A. Problems of training and social adaptation of migrant children in figures and dialogues. Khanty-Mansiysk: Izd. house «Yugra news», 2012. – 212 p.
10. Cardoso F. E. Interview // Free Thought. 2010. № 1.
11. Homans G. K. Social Behavior: Its Elementary Forms. N. Y., 1961.
12. Great encyclopedia: 62 volumes. V. 8. M.: Terra, 2006.
13. Shmelev N. Modernization of economy // Free Tought. 2010. № 2.
14. Kulyabin A. I. Presidential Republic — leaders of social inequality // Sociological studies. 2013. № 9.
15. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Youth of Russia: a sociological portrait. M: CSPM, 2010. – 592 p.